

Тобольский государственный историко-архитектурный
музей-заповедник

Комитет по культуре Администрации Тюменской области

Отдел координации научных исследований
Департамента информации и социально-политических исследований
Администрации 'Ямало-Ненецкого автономного округа

Администрация г. Тобольска

УГРЫ

Материалы VI-го Сибирского симпозиума
“Культурное наследие народов Западной Сибири”
(9-11 декабря 2003 г., г. Тобольск)

Тобольск

Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири" (9-11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск. 2003. - 587 с.

В сборнике публикуются материалы и тезисы докладов участников VI-го Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири: угры", проводившегося в г. Тобольске 9-11 декабря 2003 года.

Представленные исследования по различным аспектам изучения, сохранения и трансляции культурного наследия угорских народов могут заинтересовать археологов, этнографов, лингвистов, историков, музейных работников.

Редакционная коллегия:

Нескоров А.В. (отв. редактор)
Тычинских З.А. (зам. отв. редактора)
Винокурова Н.В.
Коноваленко М.В.
Шестакова Л.В.
Юнина Е.А.

© Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, 2003.

© Отдел координации научных исследований Департамента информации и социально-политических исследований Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа, 2003.

А.И. Боброва
Томск, областной краеведческий музей

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД САЛЫМСКИХ ХАНТОВ (по раскопкам В.А. Дремова)

Представления о нижнем мире, его географии и обитателях у обских угров достаточно противоречивы и скудны. Менее всего они исследованы у салымских хантов, о чем пишет и Е.Г.Федорова, освещая состояние данной проблемы в коллективной монографии [Федорова 2000: 225]. В связи с этим представляется важной публикация новых материалов по погребальной обрядности этой этнической группы, подготовленная по полевым дневникам В.А. Дремова.

По этнографическим данным известно, что кладбища у салымских хантов устраивали по отношению к поселению ниже по течению реки. Около одного населенного пункта их могло быть несколько. Так, в юртах Кинтусовских в XVII в. оно находилось на древнем городище у озера Емин-тув, причем осознавалось, что первоначально это было место погребения народа *Ар-ях*. В XVIII в. новое кладбище было основано неподалеку от древнего городища (Вандрасовского I) на р. Вандрас. Действующее кладбище возникло в XX в. и расположено на том же берегу реки, что и поселение [Федорова 2000: 228].

В 1987 г. В.А. Дремовым были предприняты раскопки на трех поздних кладбищах, расположенных в окрестностях бывших поселков Кинтус и Салым: Кинтусовском I, Кинтусовском 2 и Соровском, в Нефтеюганском районе Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа. Дневниковые записи исследователя хранятся в архиве Кабинета антропологии, коллекции предметов — в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

Кинтусовское кладбище I (колл. № 7626). Находится на правом берегу р. Вандраса у пос. Салым (бывшего пос. Кинтус), расположенного при слиянии р. Айеги с р. Вандрасом. Оно располагалось неподалеку от поселка и занимало участок мыса, поросшего сосновым лесом. На кладбище, судя по информации местной жительницы Е.И. Качаловой, в девичестве Земцовой, не хоронили с 1941 г. [Дремов 1983: 30-32].

В.А. Дремовым было вскрыто 33 объекта: 28 грунтовых могил и пять впадин, оказавшихся естественными углублениями. Могилы концентрировались в небольшие группы, внутри которых выделялись ряды. Внешние признаки захоронений хорошо различались: в дневниковых записях отмечено наличие продолговатых западин разной глубины и

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 01-06-80408.

размеров, ориентированных преимущественно по линии северо-восток — юго-запад, реже — запад-восток.

При снятии дерна над некоторыми могилами были расчищены остатки деревянных намогильных конструкций в виде продольно уложенных вдоль краев ям бревен или жердей (6 случаев). Над одной из них над гробом сохранилось перекрытие, сверху застланное берестой. Ориентация этих конструкций та же, что и у могил.

Кроме дерева при погребении использовали берестяные полотнища, которые, в отличие от усть-балыкских захоронений [Боброва 2003: 211], на этом кладбище обнаружены в трех случаях: в одной из могил им было покрыто перекрытие, в другом — гроб, в третьем — тело погребенного.

Умерших хоронили преимущественно в дощатых гробах прямоугольной или трапециевидной формы (20), иногда погребения совершали в выдолбленных колодах (3). Есть одно захоронение в распиленной пополам долбленной лодке, в которой покойный был уложен головой в зауженную часть, ногами — в обрезанную широкую сторону. В остальных случаях тип сооружения не выявлен.

Максимальная длина внутримогильных сооружений 195-210 см, ширина — 30-50 см. Лодка имела размеры 175x45 см; колоды 210x30, 115x90 см. Глубина могил колебалась в пределах от 20-30 до 130 см, но в большинстве случаев составляла 60-70 см¹.

В засыпях пяти могил найдены: железное ведро, фаянсовая чашка и топор, шкатулка-сундучок, топор, воткнутый лезвием в гроб, блюдце. Вещи обнаружены на разной глубине и помещались над гробом в области ног погребенных. Присутствие их внутри могил, безусловно, свидетельствует об имевшем место обычае оставления предметов для покойного на могиле или внутри нее, над погребальным сооружением.

Умершие похоронены вытянуто, на спине. Положение рук неустойчивое: они могли располагаться вдоль тела; быть положенными кистями “на животе” или в области таза; иногда правая лежала вдоль тела, левая — в области таза; или же — правая на груди, левая под костями таза. При погребении покойных укладывали головой, в основном, на юго-запад (23), юг-юго-запад (1) и реже — на запад (3).

Хоронили, по-видимому, в верхней, теплой одежде. В четырех случаях на руках погребенных обнаружены варежки или перчатки; на ногах — шерстяные чулки или носки. В одной из могил около головы была положена пара зимней обуви типа унтов, в трех на крышках гробов была сложена одежда. В погребениях женщин зафиксированы бисер,

¹В дневниках не указано от какого уровня определялась глубина могил, вероятнее всего, измерения были проведены от уровня современной дневной поверхности (А.Б.).

бусы, оловянные и бронзовые бляшки, многочисленные литые и полые подвески, перстни, колокольчики, концентрировавшиеся в виде скопления в области головы, плеч и груди, иногда — колен.

В гроб с покойным ставили разнообразную “кухонную” утварь: туески и коробочки из бересты, железные коробочки, фаянсовые и фарфоровые чашки и блюда (они обнаружены в шести могилах), деревянную и глиняную посуду, медные и чугунные котлы (найлены в пяти могилах), эмалированные кружки (1 могила), стеклянные бутылочки (1 могила). Изделия помещены в основном в области ног погребенных — у колен или стоп, и реже в области пояса или бедер. В районе головы найдена глиняная чашка, около левого плеча одного из погребенных обнаружен котел, в котором лежала железная поварешка. Найлены и разнообразные орудия труда: ножи, ножницы, топоры и пр. Ножи и ножницы обычно помещались в области пояса, бедер, голени, справа (5) или слева (6) от покойного. Лишь в одном случае нож был положен около правого плеча. Топоры клали справа у бедра, колена, голени.

Монетный материал позволяет датировать захоронения на этом кладбище началом XIX — 30-ми гг. XX вв. [Дремов 1987: 181; колл. № 7627].

Кинтусовское кладбище 2 (колл. № 7627). Расположено на правом берегу р. Вандраса, вниз по его течению, недалеко от пос. Салым (бывш. пос. Кинтус).

На поверхности хорошо различались могильные западины, сгруппированные в два ряда. В.А. Дремовым вскрыты все видимые объекты, шесть из которых содержали остатки захоронений, один оказался грабительно раскопанной могилой.

Намогильное бревенчатое сооружение фрагментарно сохранилось только над одной могилой, в которой, кроме того, было обнаружено перекрытие из жердей (их диаметр 10-12 см, длина 250 см), зафиксированное на глубине 50 см от уровня современной дневной поверхности. Оно располагалось над гробом и сверху было покрыто берестой. В этом же погребении на крышке гроба лежали плахи, под которыми также зафиксирована береста.

Над одной из могил под дерном были обнаружены: глиняный горшок и топор (в области ног), икона небольших размеров и медная монета достоинством 5 копеек 1870 г. (в области грудного отдела).

Покойных хоронили в грунтовых ямах глубиной от 40 до 130 см (в среднем 65-70 см), вытянуто на спине, в дощатых гробах трапециевидной и прямоугольной формы, размерами: 195x35; 180x55-35, 160x80, 110x25 см, ориентируя головой на юг (2), юго-запад (2), юго-восток (1), северо-восток (1). Положение рук неустойчивое. Они могли быть сложены: обе кистями в области “живота” или таза; левая — вдоль тела, правая —

в области бедра.

Умерших хоронили в верхней одежде, сохранившейся в виде фрагментов теплого пальто, шерстяных носок, головных уборов. В качестве украшений последние, вероятно, использовали бисер, бусы, бляшки, кольца, перстни, которые находились в виде скоплений в области головы.

Посуду — фаянсовую (блюдец, чашка, заварной чайник) и берестяную (круглая крышка с крестообразной прорезью), клали в гроб в области ног: слева и справа от колен или около стоп. В районе тазобедренного отдела обычно располагались ножи. На пальцах рук одного из погребенных сохранились: обручальное кольцо (на правой) и перстень (на левой). В погребении мужчины в области пояса слева от тазовых костей найдено медное кольцо, на которое, по-видимому, была подвешена курительная трубка.

Монетный материал датирует захоронения 1828-1870 гг.

Кладбище у Соровского озера (колл. № 7625). Расположено на берегу одного из ручьев, впадающих в озеро с запада. Находится на гриве, поросшей сосновым лесом. Могилы обозначены хорошо различающимися на поверхности западинами, размещенными вдоль берега по направлению северо-запад — юго-восток. Они ориентированы длинными сторонами на северо-восток — юго-запад, север-юг, северо-запад — юго-восток. Могилы, ориентированные в направлении север-юг, занимали южный, юго-восточный и восточный участки кладбища; захоронения с ориентацией северо-восток — юго-запад концентрировались, главным образом, на северном участке, и один ряд с такой же ориентацией находился на юго-западном участке. Эти могилы с “основной” для всего кладбища ориентацией выстраивались в несколько рядов вдоль берега, остальные занимали промежуточное положение между ними.

Всего на памятнике раскопано 87 объектов, 7 из которых оказались не могилами, пять имели следы разграбления. Из 80 погребений 21 — детские, 59 — взрослые (24 — мужские, 28 — женские, 7 — пол не определен.). Возраст смерти, по предварительным краниологическим данным, определен у детей от 1 года до 12 лет, у мужчин от 30 до 55, у женщин — в тех же пределах [Дремов 1987]. Средний возраст продолжительности жизни в группах: у детей составил 4,4 года, у мужчин — 42,4, у женщин — 46,3 года. Можно отметить значительный процент детской смертности в возрасте до 5 лет.

На кладбище вскрыто 21 детское захоронение. Цифра эта не отражает действительного положения вещей, так как при раскопках явно детские могилы старались не брать из-за плохой сохранности и малой информативности [Дремов 1987: 35].

Глубина могильных ям и на этом кладбище, в целом, не превыша-

ет 130 см. Выявлена определенная зависимость глубины от возраста погребенных. Так, у детей в возрасте до 1 года она была меньше, чем у детей, старших по возрасту, и в среднем составляла 55 см.

Детей хоронили в дощатых гробах, небольших по размерам, в одном случае отмечено захоронение в долбленной колоде. При погребении их ориентировали головой на юго-запад (14), юг (2), запад (1). С детьми клали значительно меньше инвентаря, а в пяти детских могилах в возрасте до 3 лет вообще никаких находок не встречено. Материалы показывают, что, чем старше был ребенок, тем больше набор инвентаря, положенного с ним, приближался к группе взрослых. Так, подросткам 10-12 лет уже были положены топоры, у одного из них в ногах был поставлен деревянный сундук, у другого в засыпи оставлены фарфоровые блюда и чашка. Нательные кресты отмечены у детей до 1 года (1) и 4-5 лет (1), в пяти могилах лежали монеты, охватывающие временной отрезок от 1801 до 1869 гг.

Бисер, бусы, серьги, оловянные бляшки найдены и в детских могилах, но в меньшем количестве, чем у взрослых. Скорее всего, с таким инвентарем могли похоронить девочек.

Остальные 59 захоронений относятся к группе взрослых (24 муж., 28 жен., у 7 пол не определен). Подавляющее большинство могил также ориентировано в направлении северо-восток — юго-запад, или север-юг.

Остатки намогильного домика обнаружены только в одном случае. Оформление могильных ям дополнительными деревянными конструкциями, типа перекрытий или полатей, явление редкое.

Почти все погребения индивидуальны и содержали останки одного человека. Исключение составляет совместное захоронение женщины и ребенка (он помещен в области ног женщины), по-видимому, умерших в одно время. В одном случае, возможно, было совершено символическое погребение.

Взрослых, как и детей, хоронили преимущественно в дощатых гробах трапециевидной и прямоугольной формы (54), в долбленных колодах (2 жен.), в распиленных пополам лодках (2 муж.), обернутыми в берестяное полотнище (1 муж.).

Размеры гробов и иных сооружений часто превышали действительный рост погребенных, что, очевидно, делалось специально: место оставляли для помещения в гроб вместе с покойным его вещей — одежды, сундука, берестяной коробки для рукоделия, посуды, инструментов, других предметов.

Ямы для могил копали на небольшую глубину (минимум 50, максимум 120 см). Большинство из них имело глубину 60-80 см и, таким образом, она всегда оказывалась меньше роста погребенных в ней лю-

дей.

Умерших хоронили в вытянутом положении, на спине, головой ориентируя на юго-запад (34), юг (10), юго-восток (1), запад (5). Расположение рук определено в следующей формулировке: положены “на животе”, “на лобке”, “на бедрах”.

Накрывание внутримогильных сооружений или покойного берестой отмечено в 7 могилах. В погребении женщины под гробом зафиксирована моховая подстилка.

Без инвентаря похоронены пять человек. В целом, набор предметов, отправляемых с покойными, различался у мужчин и женщин, хотя наблюдаются и некоторые общие черты. Так, сундуки, вероятно, ставили с людьми наиболее состоятельными, о чем свидетельствует и их содержимое, и прочий инвентарь этих могил.

Обычно с умершими клали разнообразную посуду: медные, чугунные котлы, железные ведерки, эмалированные кружки и тарелки, фаянсовые или фарфоровые пары (блюдца, чашки), иногда заварные чайники, тарелки; стеклянные стаканы, рюмки, бутылки; глиняную посуду типа русских горшков. Много изделий из бересты — коробки для еды, для рукоделия, для хранения украшений; табакерки. Деревянные и металлические ложки.

Сундуки и посуду ставили, в основном, в области ног погребенных, но иногда и около головы.

В погребениях женщин в массовом количестве отмечены: бисер, бусы, металлические нашивки, подвески, которые, по-видимому, использовали при украшении одежды и головных уборов.

Из бытового инвентаря и в мужских, и в женских захоронениях обнаружены ножи, топоры, кресала, ножницы.

Монетный материал сохранился в 32 могилах, в 25 из них установлена дата захоронений: это время охватывает 40-е гг. XVIII — 1932 гг. XX вв.

Анализ материалов из поздних кладбищ подтверждает вывод о том, что салымские ханты хоронили умерших в теплой, вероятно, зимней одежде [Дунин-Горкавич 1995: 95-97; Федорова 2000: 227]. Об этом свидетельствуют находки ее остатков и вязаных вещей — варежек, перчаток, чулок, носков, унтов, теплых шапок. Возможно, это является дополнительным аргументом в пользу того, что нижний мир по их представлениям ассоциировался с холодной (северной) стороной.

В отличие от хантов, расселявшихся на р. Балыке, салымские при погребении в меньшей степени использовали берестяные полотнища, тем не менее, их наличие могло быть связано с тем же стремлением разграничить, отгородить “берестяной пленкой” [Чернецов 1959: 121] мир живых от мира духов — умерших людей, перекрыв покойнику путь

назад на землю.

Перевернутая вверх дном посуда, черта, отмеченная у разных групп хантов на этнографических источниках, зафиксирована по материалам салымских хантов. Возможно, этот обычай был связан с известным стремлением живых людей таким образом удержать одну из душ умершего человека (далеко для них не безобидную) в могиле: закрыть ей дорогу на верх.

Анализ металлических украшений женского костюма позволяет выделить семантически особо значимые зоны. Они связаны с областью головы, плеч, груди, пояса. Не меньшее внимание уделялось и у мужчин, и у женщин наручным украшениям — кольцам, перстням, которые надевали иногда по два на один палец. Известно, что металлические украшения являлись сильным оберегом при жизни человека [Перевалова 1992: 90; Семенова 2001: 154-156]. Аналогичную функцию они, по-видимому, продолжали играть и после смерти человека, удерживая покойника в мире инобытия.

Таким образом, на примере рассмотренных материалов можно наблюдать тот самый “резкий дуализм”, о котором писал В.Н. Чернецов, когда любовь к умершему и страх перед ним в его новом качестве тесно переплетались [Чернецов 195: 122].

-
- Боброва А.И. 2003. О погребальном обряде хантов Салымского края XIX–XX вв. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск — Ханты-Мансийск.
- Дремов В.А. Полевые дневники за 1987 г. // Архив Кабинета антропологии Томского государственного университета.
- Дунин-Горкавич А.А. 1995. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Т. I. М.
- Дунин-Горкавич А.А. 1996. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Т. III. М.
- Перевалова Е.В. 1992. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург.
- Семенова В.И. 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск.
- Федорова Е.Г. 2000. Похоронная обрядность // Салымский край. Екатеринбург.
- Чернецов В.Н. 1959. Представления о душе у обских угров // Тр. ИЭ. Нов. сер. Т. LI. М.